

Новый труд по истории российской исторической науки

А. В. Свешников

Для цитирования: Свешников А. В. Новый труд по истории российской исторической науки // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 1. С. 304–310. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.119>

Представляемая небольшая статья посвящена новой книге израильского историка, директора Коммингс центра российских и восточноевропейский исследований университета Тель-Авива Веры Каплан «Историки и исторические общества в публичной сфере императорской России» («Historians and Historical Societies in the Public Life of Imperial Russia»). В этой книге исследовательница анализирует участие профессиональных историков в деятельности различных общественных организаций, занимавшихся формированием и популяризацией исторических знаний в Российской империи. В качестве теоретического основания своего исследования автор использует понятие «публичная сфера», предложенное современным немецким философом Ю. Хабермасом. Этот ход, позволяющий сформировать новый взгляд на объект исследования, на наш взгляд, весьма продуктивен. Автор монографии, опираясь на достаточно репрезентативную источниковую базу, реконструирует деятельность исторических сообществ в публичной сфере. Их деятельность, по мнению автора, с которым безусловно следует согласиться, стала важнейшим вкладом профессиональных историков в процессы модернизации и формирование гражданского общества. Начиная рассмотрение с первых десятилетий XVIII в., автор реконструирует процесс формирования сообществ подобного типа, особенно подробно останавливаясь на деятельности общественных организаций исторической направленности второй половины XIX — начала XX в. Это в первую очередь такие организации, как Императорское Русское историческое общество и Общество ревнителей русского исторического просвещения. Исследователь подробно анализирует процесс генезиса данных сообществ, их идеологические основания, состав и структуру, основные формы их деятельности по изучению прошлого и популяризации исторических знаний. В. Каплан не ограничивается рассмотрением деятельности сообществ только в столичных городах. Ее внимание привлекает их деятельность и в российской провинции. В заключение автор достаточно продуктивно вписывает деятельность этих сообществ в глобальный контекст мировых процессов. Рецензия содержит и ряд замечаний полемического характера относительно аспектов, которые остаются за пределами внимания автора.

Ключевые слова: Вера Каплан, Российская империя, исторические общества, публичная сфера, историческая наука, Ю. Хабермас.

Антон Вадимович Свешников — д-р ист. наук, проф., Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Российская Федерация, 644077, Омск, пр. Мира, 55а; antsvesh@gmail.com

Anton V. Sveshnikov — Doctor in History, Professor, F.M. Dostoevsky Omsk State University, 55a, pr. Mira, Omsk, 644077, Russian Federation; antsvesh@gmail.com

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

A New Work on the History of Russian Historical Science

A. V. Sveshnikov

For citation: Sveshnikov A. V. A New Work on the History of Russian Historical Science. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2019, vol. 64, issue 1, pp. 304–310. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.119> (In Russian)

The article is a review of a new book by the Israeli historian Vera Kaplan, “Historians and Historical Societies in the Public Life of Imperial Russia”, which examines the participation of professional historians in the activities of various public organizations engaged in the formation and the popularization of historical knowledge in the Russian Empire. As a theoretical basis for her research, the author uses the concept of “public sphere” proposed by the modern German philosopher J. Habermas. This approach, which makes it possible to form a new view on the object of research, seems very productive. The author of the monograph reconstructs the activity of historical societies in the public sphere on the basis of a fairly representative source base. Beginning from the first decades of the 18th century, the author describes the process of forming communities of this type, focusing especially on the activities of public organizations of historical orientation of the second half of the 19th — early 20th centuries. These are, first of all, such organizations as the Imperial Russian Historical Society and the Society of Zealots of Russian Historical Enlightenment. The researcher analyzes in detail the process of the genesis of these societies, their ideological foundations, composition and structure, the main forms of their activity for studying the past and popularizing historical knowledge. At the same time, the article point out a number of polemical remarks concerning the aspects that remain beyond the attention of the author of the monograph under review.

Keywords: Vera Kaplan, the Russian Empire, Historical Societies, Public Sphere, Historical Scholarship, U. Habermas.

Новая книга Веры Каплан «Историки и исторические общества в публичной сфере императорской России» представляет собой попытку поиска новых теоретических перспектив в изучении истории исторической науки Российской империи¹. Вера Каплан, директор Коммингс Центра российских и восточноевропейских исследований университета Тель-Авива и доцент департамента истории этого университета, автор целого ряда работ по истории российского образования, в своей работе делает акцент на реконструкции истории и деятельности всевозможных общественных организаций, существовавших в Российской империи и связанных с изучением истории. Теоретическим основанием исследовательской стратегии, выбранной автором, является концепция «публичной сферы» Ю. Хабермаса. Как известно, под «публичной сферой» Ю. Хабермас понимает такую форму общественного пространства, при которой возможна рациональная дискуссия по значимым проблемам, основанная на принципах открытости, равенства сторон и общепринятых критериях и стандартах. Именно в публичной сфере, по мнению Ю. Хабермаса, формируется общественное мнение, а формирование этой сферы, автономной от государства и рынка, является одной из составляющих процесса модернизации.

---

¹ *Kaplan V.* Historians and Historical Societies in the Public Life of Imperial Russia. Bloomington; Indianapolis, 2017.

Сформулированная в 1960-е годы концепция Ю. Хабермаса в свое время вызвала определенный резонанс в социальных и в какой-то степени гуманитарных науках. Имели место и вполне критические отзывы. В. Каплан в своей книге, учитывая высказанную различными авторами критику работ Ю. Хабермаса², все-таки принимает его модель, адаптируя ее к своему материалу, и стремится показать, каким образом всевозможные исторические сообщества преобразовывали публичную сферу общественной жизни, наряду с другими ассоциативными сообществами выступая в конечном итоге одним из акторов процесса модернизации, преобразовывая «общество сословий» в «гражданское общество». Обретение «своего голоса» наукой в публичной сфере имеет важнейшее значение в ходе становления современного общества. Историческая тематика становится одной из форм конструирования «общественной» сферы. Подход, выбранный Капланом, в какой-то степени вызывает ассоциации с выявленной Р. Дарнтоном ролью «кружков, кофейн и салонов» в формировании общественного пространства во Франции накануне революций. Таким образом, сам по себе теоретический посыл данного исследования представляется очень интересным и безусловно имеющим право на существование. В частности, он позволяет дополнить «большие» концептуальные модели М. Раева и Б. Н. Миронова теми сюжетами, которые для них «маргинальны».

В качестве источников исследовательница использует достаточно большой комплекс как опубликованных, так и архивных материалов, частично впервые вводимых в научный оборот: из Российского государственного исторического архива, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива древних актов, Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, Центрального государственного исторического архива г. Санкт-Петербурга и других архивохранилищ. Безусловно, первостепенное значение для автора в качестве источника представляет документация, в различных формах репрезентирующая деятельность исторических сообществ (как опубликованная, так и отложившаяся в архивах). Это всевозможные «Отчеты», «Обзоры деятельности», «Уставы» и т. д. В целом источниковая база исследования представляется достаточно репрезентативной. Конечно, нельзя объять необъятное, но все-таки жаль, что автор не учла некоторые опубликованные в последнее время мемуары и дневники русских историков и общественных деятелей конца XIX — начала XX в.³, а кроме того, недостаточно, на наш взгляд, использовала информационные возможности хранящейся в архивах личной переписки историков, связанных с теми или иными обществами.

Монография состоит из четырех глав.

Первая глава «От ассоциаций в образовании к обществам для образования: исторический бэкграунд» посвящена поиску, так сказать, генетических истоков такой социо-культурной формы, как добровольные исторические общества. Сама эта форма, по мнению В. Каплана, зацвела буйным цветом уже в пореформенное время, а ее истоки исследовательница — в соответствии с логикой своей теоретической модели (публичные сообщества как результат и в то же время инструмент

² Ibid. P.6–7.

³ См. напр.: Уварова П. С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М., 2005; Богословский М. М. Дневники. Из собрания Государственного исторического музея. М., 2011; Савин А. Н. Университетские дела. Дневник 1908–1917 гг. М.; СПб., 2015; Бубнов Н. М. Сквозь череду потерь: воспоминания. М., 2017.

модернизации) — ищет в российской истории начала XVIII в. Последовательно, как элементы одной логической цепи, автор рассматривает легендарное «Общество Нептуново» петровских времен, «Ученую дружину», создание российской Академии наук и, в частности, программу ее Исторического отделения, экзотическое «Вольное историческое для архангелогородских древностей собрание», «Собрание старающихся о переводе иностранных книг» (1769 г.), общественно-просветительскую деятельность Н. И. Новикова, Вольное экономическое общество как прецедент «добровольной научной ассоциации» и многое другое вплоть до первых лет существования Императорского Московского университета. Особое внимание уделяется «модели общества» в Наказе Екатерины II. Понятно, что все названные сообщества — это «явления разного порядка», но в логику рассуждений автора они достаточно непротиворечиво укладываются. Охарактеризованы они довольно кратко, но, учитывая вводный характер главы и то, что внимание автора сосредоточено на выявлении общих тенденций, это представляется вполне допустимым.

Во второй главе «Исторические общества на стыке науки, политики и образования» автор переходит непосредственно к «добровольным» историческим ассоциациям, начиная с основанного в 1804 г. Общества истории и древностей российских (ОИДР). Рассматривая различные версии (С. П. Шевырева и Н. А. Попова), В. Каплан реконструирует историю его создания, вопрос о «западном влиянии», состав организаторов, структуру и ее последующую трансформацию, декларируемые цели и формы деятельности, в частности издательской. Получается, что для созданных позднее исторических добровольных ассоциаций ОИДР, деятельность которого продолжалась, как известно, с перерывами до 1918 г., действительно, в какой-то степени играло роль парадигмального прецедента.

Затем автор переходит к рассмотрению истории региональных и археологических обществ. При этом она справедливо замечает, что сам термин «археология» в середине XIX в. понимался в отличие от современности достаточно широко — как «наука о древностях». В поле внимания автора попадает обширный круг провинциальных и столичных исторических ассоциаций от Российского археологического общества до Общества истории и древностей балтийских провинций. Автор совершенно прав, когда говорит о том, что эти объединения, несмотря на различие их «базовой идеологии» и культурного бэкграунда, сыграли важную роль в изучении истории различных областей Российской империи, в популяризации исторического знания и общественной жизни как регионов, так и страны в целом. Тяга к различного рода ассоциациям именно в этот период становится массовой, и, собственно, это и есть тот материал, который в полной мере работает на концепцию автора. Правда, она почему-то обходит вниманием Русское географическое общество (с 1849 г. — Императорское), ставшее для многих регионов (например, для Западной Сибири) важнейшим центром координации исторических исследований. Возможно, это связано с тем, что история данной организации уже становилась в недавнее время объектом исследования историков науки⁴. Пожалуй, большего интереса заслужили и «нерусские, националистически ориентированные» аспекты

---

⁴ См., напр.: *Найт Н.* Наука, империя и народность: этнография в русском географическом обществе, 1845– 1895 // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология* / сост. П. Верг, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. М., 2005. С. 155–198.

деятельности различных сообществ, имевшие в имперском контексте особое значение.

Далее автор, возвращаясь в столицы, доходит до основания в 1866 г. Русского исторического общества, анализируя его программу и формы деятельности, неформальные кружки столичных университетских историков и «формальные» — исторических обществ при Московском и Санкт-Петербургском университетах. Характеризуя Русское историческое общество, В. Каплан выделяет среди его основателей фигуры П. А. Вяземского и А. А. Половцева и совершенно справедливо указывает на близкую связь организации с правительственными кругами, в частности с императорской семьей. Описание неформальных кружков (например, кружка русских историков) и исторических обществ дано достаточно подробно, хотя и традиционно: как с точки зрения основных источников, так и с точки зрения выводов. Этот сюжет в целом достаточно основательно изучен в современной литературе⁵.

В центре внимания автора в третьей главе находится идеология «культурной работы» как формы «общественного служения» в различных своих проявлениях. Автор начинает рассмотрение ее формирования с научно-образовательных студенческих кружков, в частности Студенческого научно-литературного общества при Санкт-Петербургском университете, изначально формировавшихся как альтернатива радикально-революционным объединениям для сплочения «благонадежных» студентов⁶, затем переходит к Приютинскому братству, ставшему наиболее «чистым», хотя безусловно утопическим воплощением этой идеи. Приютинское братство, конечно, нельзя назвать сугубо историческим сообществом, но историки (И. М. Гревс, А. А. Корнилов, А. С. Лаппо-Данилевский) в его состав входили. Впрочем, культурные и политические экспликации идеологии Приютинского братства достаточно основательно проанализированы в научной литературе последних лет⁷. Важнейшей формой воплощения этой идеологии на практике оказываются для автора разработка программ самообразования и публичные лекции.

В четвертой главе «Общество ревнителей русского исторического просвещения: консервативный активизм и поиск собственной истории» рассмотрен конкретный казус «консервативной» общественной организации историков, провозглашавшей в соответствии с правительственным курсом своей важнейшей задачей изучение истории «в духе русских начал»⁸. Созданное в 1895 г. группой из 12 человек, к началу XX в. Общество насчитывало в своих рядах уже 1084 члена, филиалы в семи городах Российской империи и продолжало расти. Для сравнения:

---

⁵ См. напр.: *Бухерт В. Г. С. Ф. Платонов и Кружок русских историков* // Археографический ежегодник за 1999 г. М., 2000. С. 126–143; *Брачев В. С.* «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. СПб., 2001; *Ростовцев Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа.* Рязань, 2001.

⁶ *Баринов Д. А.* Этноконфессиональные и региональные организации студенчества Санкт-Петербургского университета (1884–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015. С. 22.

⁷ См.: *Каганович Б. С.* О генезисе идеологии Ольденбургского кружка и Приютина братства // *Русская эмиграция до 1917 г.* — лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997. С. 90–103; *Еремеева С. А.* Приютинское братство как феномен интеллектуальной культуры России последней трети XIX — первой половины XX в.: автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2007. С. 14–17.

⁸ Основные идеи этой главы были изложены автором в статье: *Каплан В.* Исторические общества и идея исторического просвещения (конец XIX — начало XX века) // *Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом.* М., 2012. С. 355–380.

в Императорском Русском историческом обществе насчитывалось в 1912 г. 29 действительных и 5 почетных членов. Среди членов Общества ревнителей русского исторического просвещения были известные историки и общественные деятели — И. В. Помяловский, Н. Д. Чечулин, С. Ф. Платонов, Л. А. Тихомиров, С. Д. Шереметев, Д. С. Сипягин и др. По словам автора, очевидно политизируя знание о прошлом, Общество ревнителей добилось немалых успехов в популяризации своей версии истории, работая на стыке политического, научного и религиозных дискурсов⁹.

В заключении, которое озаглавлено «Добровольные исторические общества в Fin-de-Siecle мира ассоциаций», В. Каплан «широкими мазками» вводит российские добровольные научные и просветительские ассоциации в глобальную перспективу модернизирующегося мира «от Бостона до Санкт-Петербурга»¹⁰, показывая типологическую близость процессов, протекавших в Российской империи, и общемировых, в то же время обращая внимание и на их специфику.

К сожалению, в своем исследовании автор не проводит параллелей между процессом усиления публичной активности историков и по сути синхронными процессами профессионализации, внутренней дифференциации, и усилением значения специализации исторической науки. Насколько они противоположны или взаимосвязаны? Влияют ли они друг на друга? Связано ли, скажем, выделение медиевистов в особое специализированное сообщество с их активностью в публичной сфере, или нет? Эти вопросы остаются без ответа, как ускользают из поля внимания автора и стратегии, как сказать, индивидуальной публичной активности историков, тоже достаточно представительной. Например, за пределами внимания автора остается участие отдельных профессиональных историков в органах городского самоуправления¹¹. Понятно, что это разные вещи, но «корреляция» между ними могла существовать. Весьма любопытным представляется вопрос, насколько членство российских историков в тех или иных «добровольных профессиональных ассоциациях» влияло на их отношение и участие в деятельности международных конгрессов историков, претендовавших в начале XX в. на то, чтобы стать важнейшим инструментом конструирования интернационального их сообщества.

Однако, хочется надеяться, эти лакуны привлекут внимание исследователей, которые продолжают изучение безусловно интересной проблематики, очерченной в монографии В. Каплан.

References

- Antoshchenko A.V. *Russkii liberal-anglofil Pavel Gavrilovich Vinogradov*. Petrozavodsk, Petrozavodsk University Press, 2010, 344 p. (In Russian).
- Barinov D. A. *Etnokonfessional'nii i regional'nii organizatsii studenchestva Sankt-Peterbyrgskogo universiteta (1884–1917)*. Avtoreferat diss. ... kand. ist. nauk. St. Petersburg, 2015, 23 p. (In Russian)
- Brachev V.S. *“Nasha universitetskaia shkola russkikh istorikov” i ee sud'ba*. St. Petersburg, Stomma, 2001, 243 p. (In Russian).

⁹ Kaplan V. Historians and Historical Societies in the Public Life of Imperial Russia. P.245.

¹⁰ Ibid. P.262.

¹¹ О конкретных примерах такого участия см.: Антощенко А. В. Русский либерал-англофил Павел Гаврилович Виноградов. Петрозаводск, 2010. С. 72–98; Ростовцев Е. А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 2017. С. 378–402.

- Buchert V. G. S. F. Platonov i Kruzhok russkikh istorikov. *Archeograficheskii ezhegodnik za 1999 g.* Moscow, Nauka, 2000, pp. 126–143. (In Russian).
- Eremeeva S. A. *Priiutinskoe bratstvo kak fenomen intellektual'noi kul'tury Rossii poslednei treti XIX — pervoi poloviny XX v.* Avtoreferat diss. ... kand. kulturologii. Moscow, 2007, 22 p. (In Russian).
- Kaganovich B. S. O genezise ideologii Ol'denburgovskogo kruzhka i Priutina bratstva. *Russkaia emigratsia do 1917 g. — laboratoria liberal'noi i revoliutsionnoi mysli.* St. Petersburg, Evropeiskii Dom, 1997, pp. 90–103. (In Russian)
- Kaplan V. *Historians and Historical Societies in the Public Life of Imperial Russia.* Bloomington and Indianapolis, Indiana University Press, 2017, 316 p.
- Kaplan V. Istoricheskie obshchestva i ideia istoricheskogo prosveshchenia (konets XIX — nachalo XX veka). *Istoricheskaia kul'tura imperatorskoi Rossii: formirovanie predstavlenii o proshlom.* Moscow, High School of Economy Press, 2012, pp. 355–380. (In Russian)
- Nait N. Nauka, imperia i narodnost'. Etnografia v Russkom Geograficheskom obshchestve, 1845–1855. *Rossiiskaia imperia v zarubezhnoi istoriografii. Raboty poslednikh let.* Eds P. Vert, P. S. Kabitov, A. I. Miller. Samara, Novoe izdatel'stvo, 2005, pp. 155–198. (In Russian)
- Rostovtsev E. A. A. S. *Lappo-Danilevskii i peterburgskaia shkola istorikov.* R'azan', Modern Russian History, Studies and Documents (NRIID), 2004, 347 p. (In Russian).
- Rostovtsev E. A. *Stolichnyi universitet Rossiiskoi Imperii: uchenoe soslovie, obshchestvo i vlast' (vtoraia polovina XIX — nachalo XX v.).* Moscow, ROSSPEN, 2017, 903 p. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 15 июня 2018 г.

Рекомендована в печать 30 ноября 2018 г.

Received: July 15, 2018

Accepted: November 30, 2018